

— Не совсем.

Шэн Цзяньвэй остановился у входа в ресторан, взглянул на него и сказал:

— Заодно поедим.

Божественный Владыка Цин Ду был первым из небожителей, кто не прикасался к земной пище. Как говорил Нин Чжи, он был крайне неприступен. И вот теперь он снизошел до того, чтобы привести его поесть земной еды. Хуа Чжаошуй был настолько поражен, что несколько мгновений не мог вымолвить ни слова, несколько раз взглянул на учителя и спросил:

— Учитель, вы действительно привели меня поесть, а не для того, чтобы проверить меня? Если я отвечу неправильно, меня накажут?

Шэн Цзяньвэй одной рукой поднял его на ступеньки, и зонт мгновенно исчез, не оставив и капли воды.

— Сегодня проверять не буду.

Хуа Чжаошуй подумал: «Если сегодня не проверяют, значит, проверят позже! Ну и ладно, пусть проверяют позже. Все равно сегодня удалось спуститься в мир людей с учителем, так что пусть завтра будет, что будет».

Эта мысль даже вызвала у него ожидание. Через некоторое время официант подал блюда и так же быстро удалился. Хуа Чжаошуй взглянул на то, что перед ним, и, лишь помешав ложкой, замер в изумлении. Он с недоумением посмотрел на небожителя, спокойно пьющего чай, и спросил:

— У-учитель, зачем вы привели меня есть рисовую кашу с крабовым мясом?

Шэн Цзяньвэй мельком взглянул на него и без утайки ответил:

— В прошлый раз твое путешествие в мир людей было не очень приятным. Ты поел, и я исполнил свое желание.

Хуа Чжаошуй почувствовал легкую горечь в сердце. Он несколько раз помешал кашу, но не стал есть, и лишь через некоторое время взглянул на учителя:

— Учитель, в следующий раз, когда будем преодолевать бедствие, давайте не будем делать это вместе.

Хотя в мире людей Хуа Чжаошуй действительно очень любил рисовую кашу с крабовым мясом, теперь, вернувшись, он снова почувствовал, что любит ее. Но то, что учитель специально привел его поесть ее, вызывало у него чувство тяжести в груди.

После еды Шэн Цзяньвэй снова повел его погулять. По пути они больше не упоминали о преодолении бедствия, но Хуа Чжаошуй, наученный горьким опытом, тайно решил, что в следующий раз обязательно дождетсЯ возвращения учителя, прежде чем войти в Диск Восьми Звезд. На этот раз он точно не столкнется с ним. Хуа Чжаошуй был уверен, что, если не встретит его, все будет иначе, и после возвращения не будет этого чувства тяжести.

Хуа Чжаошуй почувствовал, что они уже долго бродили, и подумал, что учитель скоро поведет его обратно. Но они дошли до глубокого ущелья, где вокруг были только сорняки и редкие

полевые цветы. Он споткнулся о что-то, пошатнулся, и Шэн Цзяньвэй поддержал его, сказав:

— Ты помнишь это место?

Хуа Чжаошуй, держась за его руку, огляделся, несколько растерянно поднял лицо и спросил:

— Учитель, я бывал здесь?

Шэн Цзяньвэй ответил:

— Здесь все сильно изменилось, неудивительно, что ты не узнаешь. Это Долина Цяньсу. Я нашел тебя у ручья впереди, ты забыл?

Хуа Чжаошуй тут же выразил понимание, снова огляделся и с удивлением сказал:

— Действительно, все сильно изменилось. Я помню... раньше в Долине Цяньсу там было море цветов, здесь был небольшой густой лес, и повсюду бегали зайцы и олени.

Он указал пальцем, но то море цветов и густой лес, о которых он говорил, теперь превратились в потрескавшуюся землю, и даже ручей высох. Деревня, построенная у воды, давно исчезла.

Хуа Чжаошуй с сожалением опустил руку, с грустью сказав:

— Неужели за несколько сотен лет может произойти столько изменений?

Шэн Цзяньвэй посмотрел на него, легонько погладил по голове и сказал:

— Таковы дела мира людей.

— Учитель, — Хуа Чжаошуй долго молчал, затем поднял взгляд, с некоторым напряжением в голосе спросил. — Могу я больше не ходить в мир людей преодолевать бедствие?

— Почему?

Шэн Цзяньвэй остановился, глядя на него.

Хуа Чжаошуй колебался некоторое время, затем сказал:

— Быть человеком слишком тяжело. Мы с таким трудом обрели Дао, стали небожителями. Зачем снова испытывать эти страдания?

Шэн Цзяньвэй спокойно посмотрел на него некоторое время, затем сказал:

— Я думаю, дело не только в этом. У тебя есть еще одна причина, верно?

Хуа Чжаошуй смутился, опустил голову и сказал:

— ...Нет. Просто я больше не хочу повышать свое мастерство... Мне кажется, это слишком утомительно.

Шэн Цзяньвэй продолжал смотреть на него, его голос стал серьезным:

— Ци Гу, не лги мне.

Хуа Чжаошуй встретился с его взглядом, несколько мгновений колебался, затем сказал:

— Учитель... Я не могу объяснить. После возвращения я чувствую себя очень печально. Звездный Владыка Нин Чжи всегда говорит, что испытание Красной Пылью не считается, что жизнь, смерть, любовь и ненависть — это лишь мгновение. Как бы ты ни боролся за выживание в мире людей, вернувшись на Небеса Четырех Брахм, все это быстро исчезнет...

Он нервно теребил пальцы, его лицо покраснело, и он с трудом произнес:

— Но... я все равно иногда вспоминаю и чувствую себя очень печально. Учитель, все говорят, что Великое Дао бесстрастно, что нужно отбросить земные привязанности. Но вы сказали, что у меня их изначально нет. Если их нет, зачем мне снова их испытывать?

Шэн Цзяньвэй обнял его за плечи и сказал:

— Великое Дао бесстрастно, но это не значит, что оно действительно без чувств. Ци Гу, я уже говорил тебе, что без Красной Пыли нет Дао. Ты тогда просто слушал, понимаешь ли, почему?

Хуа Чжаошуй покачал головой:

— Не понимаю.

Шэн Цзяньвэй улыбнулся, подтолкнул его вперед и сказал:

— Не торопись, ты скоро поймешь.

— Учитель, — Хуа Чжаошуй обернулся к нему. — Тогда что такое Великое Дао бесстрастно?

— Бесстрастность — это не отсутствие чувств и не отказ от человечности, — Шэн Цзяньвэй ткнул его в лоб. — И уж тем более не то, что ты, не зная чего-то, просто игнорируешь это.

— Тогда что же это?

Хуа Чжаошуй немного забеспокоился и потянул его за рукав.

— Бесстрастность — это отсутствие пристрастий, отсутствие личных чувств, а также величайшее сострадание в мире.

Шэн Цзяньвэй улыбнулся ему.

— Если у тебя не было личных чувств, не было пристрастий, как ты можешь знать, бесстрастен ты или нет?

Хуа Чжаошуй запутался и перестал спрашивать, несколько уныло сказав:

— Значит, учитель считает, что мне все равно нужно пройти оставшиеся испытания?

— Не спеши, — Шэн Цзяньвэй похлопал его по плечу. — Хорошо отдохни, жди, пока Нин Чжи позовет тебя.

Хуа Чжаошуй нашел эти слова очень знакомыми. Тогда он был немного расстроен, что учитель не позвал его и сам вошел в Диск Восьми Звезд. Теперь, услышав это снова, он вслух согласился, но в душе подумал, что, когда Нин Чжи позовет его, он постарается как можно дольше тянуть время, чтобы снова не столкнуться с учителем.

Он улыбнулся и спросил:

— А учитель? Вы тоже какое-то время будете отдыхать?

Шэн Цзяньвэй ответил:

— Я вошел в Диск Восьми Звезд, чтобы восстановить изначальный дух. Если смогу восстановить его быстрее, отдых не так важен.

Хуа Чжаошуй кивнул, вспомнив, что учитель, несмотря на свои тяжелые ранения, лично заботился о нем во время его первого испытания. А он только что сказал такие нерадивые слова. Ему стало стыдно, и он снова заговорил:

— Учитель, я только что сказал, что не хочу больше повышать мастерство... Это было неправдой. Мне просто казалось странным говорить такие вещи, поэтому я не сказал.

Шэн Цзяньвэй опустил взгляд:

— Значит, признаешь, что солгал мне?

Хуа Чжаошуй смущенно кивнул, виновато сказав:

— Учитель, я впервые солгал, больше не буду.

Но Шэн Цзяньвэй не ответил, лишь постучал его по плечу.

Молчание учителя заставило Хуа Чжаошуй занервничать. Он следовал за Божественным Владыкой Цин Ду сотни лет и никогда не слышал от него ни одного строгого слова. Кроме Нин Чжи, который всегда его дразнил, каждый небожитель на Небесах Четырех Брахм относился к нему хорошо, и он никогда не испытывал ни капли несправедливости. А теперь он из-за пустяка сказал такие обидные слова.

Хуа Чжаошуй все больше беспокоился, думая: «Сколько людей хотели бы стать учениками Божественного Владыки Цин Ду. Может, учитель считает, что у меня плохая способность к пониманию, и я не стремлюсь к совершенству, и ему больше нечего меня учить, и он однажды прогонит меня?»

Пока он размышлял, Божественный Владыка наклонил голову и увидел, что он смотрит на него с покрасневшими глазами. Он с недоумением спросил:

— Я же тебя не ругал, почему ты выглядишь таким обиженным?

— Учитель, вы не сказали, что прощаете меня.

Шэн Цзяньвэй рассмеялся:

— Ты прямо настаиваешь. Говорят, строгий учитель воспитывает хорошего ученика. Если твое мастерство не будет расти, другие скажут, что я тебя избаловал.